

Пути

Художник

Елена Холодилина

меж колосьев

и трав...

В европейской традиции занятие искусством часто было делом семейным и наследственным – известны династии Брейгелей, Тенирсов, Кранахов. Начиная с первой четверти XIX века уже семь поколений Пластовых связало свою жизнь с искусством. Творчество Елены Холодилиной, супруги Николая Аркадьевича Пластова, представляется сегодня неотъемлемой частью наследия этой семьи.

В летних полях. 1989 г., картон, масло, 50x70

Память сердца

В семье Елены Николаевны Холодилиной не было художников. Ее отец – Николай Николаевич, выпускник Московского университета, – был профессором химии в Луганском сельхозинституте, мать – Любовь Николаевна, получившая высшее математическое образование, – посвятила себя семье, воспитанию двух дочек: Марии и Елены. Их довоенное детство было радостным, теплым и несоветским. Атмосфера дома (особняка с большим садом) с детскими праздниками, новогодними елками, домашними спектаклями, чтением любимых книг более походила на до-революционную. Тяжелейшими испытаниями стала война: бомбежки, эвакуация в Балаково Саратовской области.

Путь рано начавшей рисовать девочки был как бы предначертан и предсказан: отец Николай Николаевич, занимавшийся внедрением промышленного эмалирования, мечтал, чтобы она соединила эмаль – этот долговечный, новый тогда материал – с искусством.

Учеба в художественном училище, а затем в Харьковском художественном институте завершилась переводом в Московский художественный институт имени В.И. Сурикова (этому способствовал двоюродный брат – Александр Александрович Холодилин, занимавший высокий пост в Комитете по делам искусств СССР). Поселившись в его семье в доме на Котельнической набережной, Елена

Н.А. Пластов и Е.Н. Холодилина. 1970-е гг. Прислониха

попала в мир музыки (жена А.А. Холодилина, Мария Аркадьевна, была музыкальным педагогом). Для нее открылись двери театров и консерватории, в дом часто приходили известные музыканты. Особенно запомнился веселый, излучающий энергию М.Л. Ростропович.

Трудно сказать, насколько плодотворными стали занятия в институте: с теплотой Елена Николаевна вспоминала мастерскую Д.К. Мочальского, где начинала свое обучение, и с ужасом – работу над дипломом под руководством ректора Ф.А. Модорова. Так как студентка была из Луганска, темой ее диплома по настоянию ректора стала многофигурная композиция, посвященная труду горняков

в угольной шахте – неблизкая и во многом непосильная для студентки.

Случайно познакомившись с Николаем Аркадьевичем Пластовым (хотя учились они в одном институте и ходили буквально по одним улицам), выйдя за него замуж, она, конечно же, целиком и полностью попала в орбиту мощного гения Аркадия Пластова. Долгое время боялась показывать ему свои работы, проводила дни в поле, чтобы научиться, наконец, писать небо, свет, облака, дали.

«Когда я ближе познакомилась с живописью Пластова, то была поражена той ясности, силе, тому торжеству цвета, которое есть правда Божьего мира... Пластов в начале письма старался использовать про-

На этюдах. Нач. 1960-х

Осенний месяц. 1980 г., холст, масло, 85x110.
Ульяновский областной художественный музей

Автопортрет. Нач. 1960-х гг., картон, масло, 48x33

тирки прозрачными красками, эти протирки иногда сохранялись в тенях. Сиены, умбры, земля... С самого начала письма он старался не замутнить смеси, цвета белилами... «Палитра Делакруа»... Какие краски как звучат? Какие смеси вызывают звучание других? Система дополнительных цветов. Эти проблемы всю жизнь меня очень интересовали. В своих работах я старалась об этих понятиях помнить¹. Это и было главным ученичеством ее жизни и главным счастьем художника.

А еще – книги, насмотренность в русских и зарубежных музеях, восторг перед гениями – Витторе Карпаччо, Джованни Беллини, М. Врубель, Валентин Серов... Приятие смиренного для умного художника понимания

¹ Цитируется по: Пластова, Т.Ю. Почва и судьба / Т.Ю. Пластова. – Санкт-Петербург: Palace edition, 2013. – С. 40.

С сыном Колей. 1957

недостигаемости их высот и совестливое неприятие неумения, выдаваемого за стиль и «видение».

Как совмещалась жизнь художника с нелегким бытом русской деревни, где художница проводила большую часть времени? Для художников этот вопрос бессмыслен – практически вся русская культура создавалась в деревне – Пушкин, Некрасов, Тургенев, Толстой, Левитан, Серов, Астафьев, Распутин, Пластов, наконец, бросивший когда-то в лицо Хрущеву на одном из совещаний по культуре хлесткую и не утратившую смысла фразу: «В Москве правды нет». Подлинность жизни (притягательность которой для художника понимали Толстой и Ван Гог), нетронутость природы и свобода.

«Единственной нашей мыслью, – писал Пластов, – должно быть желание, страстное и непрестанное, устроить так свою жизнь, чтобы в тишине и уединении насладиться природой и свободой... предаваться любимому делу без помех и поправок невежественных и бесчестных людей». (Пластов А.А. Из письма 16.03.1950.)

Жанром Елены Холодилиной стал пейзаж. И здесь она, безусловно, достигла высот профессионализма. Способность видеть цельность состояния природы, безошибочно угадывать структуру неба, делать артистичным и значимым каждый мазок, воплощать тонкую семантику пейзажа – все это сделало ее еще в 1970–1980 годы очень интересным художником, заметным на московских и российских выставках. А ведь в эти годы там царили ярчайшие представители Московской школы поры ее позднего расцвета: Э. Браговский, А. Папикян, И. Сорокин, Н. Федосов, В. Телин, В. Забелин, А. Макаров, В. Чулович. И, несмотря на несомненное влияние живописи А. Пластова, стилистически пейзажи Е. Холодилиной все же ближе творчеству С.Ю. Жуковского, Л.В. Туржанского, П.И. Петровичева. В ее работах выделенность мазка и его решающая самоценность, намеренная однозначность прочтения цвета составляли одну из важных для автора задач.

Пейзажи Холодилиной могли быть эпическими с широко распахнутым пространством и сложными бурными небесами, романтическими («Время, когда бродят ежи») или просто написанными в огороде, с рябиной под снегом, сороками, засохшими цветами. Но все они осмыслены